Текст · 4 февраля 2019, 09:13
Никита Сологуб,

# «Я была личной швеей управления ФСИН Мордовии». Рассказ заключенной, по заявлению которой уволили начальника ИК-14 Куприянова

Индира Багаева провела два года и один месяц в ИК-14 в мордовском поселке Парца, получившей известность после письма Надежды Толоконниковой, рассказавшей о рабском труде в этой колонии. Выйдя на свободу, Багаева написала заявление, из-за которого начальник колонии Юрий Куприянов лишился должности и стал фигурантом уголовного дела. «Медиазона» с минимальной редакторской правкой приводит ее рассказ о жизни заключенных.

## Знакомство

Я сидела за мошенничество. Это была фирма — я была официально трудоустроена, шло отчисление в Пенсионный фонд, в налоговую, но нам вменили мошенничество. Статья 159, часть четвертая, и статья 210 — участие в преступном сообществе: якобы мы были в преступном сговоре с руководством, хотя я его даже ни разу не видела. В этой фирме я работала всего лишь полгода. Десять дней нас продержали на Петровке, 38, а потом привезли на шестой изолятор (женский СИЗО «Печатники — М3). Там я провела три с половиной года.

> Освободившись из ИК-14 в ноябре прошлого года, Индира Багаева написала заявление во ФСИН, по итогам рассмотрения которого начальника колонии Юрия Куприянова уволили с должности. Ее заявление было передано в Следственный комитет, и в декабре 2018 года Зубово-Полянский отдел СУ СК по Мордовии возбудил в отношении Куприянова уголовное дело по части 1 статьи 286 УК (превышение должностных полномочий). Однако Багаеву до сих пор так и не признали потерпевшей и не вызвали на допрос. Сегодня правозащитная организация «Зона права» обратилась к руководству регионального управления СК с просьбой признать экс-заключенную потерпевшей, уведомить ее о принятом процессуальном решении и допросить.

18 августа 2015 года огласили приговор — шесть с половиной лет общего режима, ограничение свободы на полгода и 400 тысяч рублей в пользу государства. Поскольку мы с руководством знакомы лично не были, мы были уверены, что 210-ю статью с нас снимут, а по 159-й дадут минимально. Но этого не произошло. Срок я отсидела от начала до конца.

Меня отправили в колонию в Мордовии, на тот момент мне было 38 лет. В ИК-14 я оказалась в октябре 2016 года. Когда я была на карантине, тогдашним начальником был Сергей Романов, а Юрий Куприянов — его заместителем. Они приходили на карантин и задавали вопросы — не только мне, а всем, кто находился в карантине, нас было человек десять: «Что вы умеете, где работали, какое у вас образование?». Я ответила, что я по специальности технолог швейного производства, что у меня есть стаж работы — я

работала в ателье и во Владикавказе, и в Москве. Романов говорит: «Ну, тогда Багаева пойдет в технический отдел, такие специалисты там нужны». Я пошла.

Работа в техническом отделе заключается в том, что ты трудоустроена швеей в нем, отшиваешь образцы для утверждения на фирму, а когда фирма утверждает образец, запускается лента (конвейер — МЗ), начинают на промзоне шить эти костюмы. Туда берут людей, которые хотя бы разбираются в пошивах, у которых есть образование и представление о том, как шить, как соединять детали, подкладку, карманы и так далее. То есть если фирма заказывает какой-то пошив колонии, то для начала фирма должна убедиться, сможет ли отшить колония этот пошив, и в единственном экземпляре должна вначале сделать этот пошив я в техническом отделе.

Затем этот образец, который я отшиваю, направляется на фирму: «Восток-сервис», «ПромКомплектация», их много было. Образец мой утверждают, фирма отправляет лекало, его отправляют в колонию, мы с ним работаем в техотделе, затем лекала отправляют в закройный цех, где начинают кроить уже массово, и все это передается в большой цех, на ленту, где уже сидят и шьют девочки. Там сидит вся колония, все девочки сидят и шьют.

## Генералы и кадеты

Но на самом деле я работала только на Куприянова и всех, кто ему в голову придет — в какой-то момент я даже захотела пойти на ленту, потому

что я замучилась обшивать их, замучилась обшивать все управление ФСИН республики Мордовия. Мы обшивали всех. Кому мы только не шили.

Там, в техническом отделе, были вольные мастера. Пожелания в основном передавались через них. Как-то [одна из вольных] Вера Мефодиевна меня позвала, говорит: «Индира, очень серьезный вопрос. — Что случилось? — К Куприянову пришел его друг, генерал, а у этого генерала супруга ранее работала в медсанчасти колонии начальником. Он приехал со своей супругой и дочерью, я сейчас пойду к Куприянову, сниму мерки, надо будет пошить выпускной наряд». Она пошла, сняла мерки, принесла фотографию, которую скачали с интернета, какой наряд ей нужен. И мне Вера Мефодиевна сказала: «Если будет плохо пошито, нам всем конец. А ты пойдешь в СИЗО, в карцер». Пришлось его сшить.

Куприянов часто приводил туда своего сына. Вызывал меня в свой кабинет, и я сама лично снимала мерки с его сына, мы ему шили кадетскую форму, и не только ему, там приходило еще 15–16 человек, мы два раза обшивали им кадетскую форму. Полностью август 2018 года мы шили кадетскую форму. Отшив кадетскую форму, мы думали, что мы выдохнули. Но не тут-то уж было. Через какое-то время они еще заказывают такую же форму, повторно.

Если Куприянов собирается куда-то на рыбалку, то естественно, мы этим занимаемся: все пошивы, которые есть, начиная от зимнего, и всяких-всяких костюмов — на рыбалку, на охоту. Что мы только не шили, и это причем все шилось не в одном экземпляре. Это все повторялось изо дня в день,

изо дня в день. Причем ладно было бы так, что, если Куприянов собирается на рыбалку, то мы тогда остаемся до часу ночи в техотделе, шьем, и через неделю такого не повторится. Нет, так случалось и через неделю, повторялось, систематически. У меня складывалось чувство, что, одев те костюмы, которые мы сшили в техотделе, чтобы он пошел на рыбалку или на охоту, он их выкидывал. Наверное, он так и делал, потому что через какое-то время он приходил, и мы опять начинали заново шить эту же форму.

Наверное, Куприянов думал, что в техотделе пошьют намного лучше, нежели на большой ленте, поэтому он постоянно обращался к нам — да не только он, а вся администрация колонии. Техотдел занимался исключительно тем, что обшивал управление ФСИН Мордовии, да даже не только их — приходили ну совсем уже левые люди, непонятно кто: подруга непонятно кого, сын подруги той-то, сноха чья-то, чужие люди приходили, а нам приходилось снимать мерки и шить им.

Причем мне объяснили, что вряд ли Куприянов с кого-то берет деньги — скорее всего, он таким образом решал свои шкурные дела. Один раз даже было так, что опять ко мне подошла Вера Мефодиевна со словами: «К нам приезжает большая проверка из Москвы. Ты понимаешь, что их надо будет подкупить, чтобы они не цеплялись за каждую мелочь? — А я при чем? — Надо им пошить форму!». То есть проверка приезжает, форма готовая, уже пошитая лежит, они берут, ее выносят, а проверка на промзону даже не заходит, просто отписались они: «Все нормально, нарушений никаких нет». То есть для него это нужно было в интересах его службы.

## Девочки

На промзоне девочки работали с утра до вечера. Рабочий день начинается в 7:15, ровно в восемь ты уже сидишь за рабочим местом; в 11:30 обед, возвращаешься обратно в промзону, шьешь дальше, и шьешь до 20:00; потом опять идет развод, идешь в жилзону, все идут в столовую, ужинают, заходят в отряд, а чтобы попить чай, привести себя в порядок, достать свои вещи на ночь перед сном, у тебя на это есть час — с 20:00 до 21:00. Ровно в 21:00 опять люди идут на работу в промзону, и до часу ночи. Вот так они работают. И так каждый день.

Несмотря на это, Куприянов их выгонял на хозработы, в запретную зону — в том числе, людей, которые склонны к побегу, чтобы, к примеру, выкорчевывать бетонные плиты, которые уходят глубоко в землю, более чем на метр. Вот так по шесть человек мы их выкорчевывали, хотя мы не должны

были это делать, но это делали все. На хозработы могли вывести в любое время — просто снимают тебя с рабочего места, и ты идешь таскать плиты цементные, песок, известку. Тяжелые работы. В 2017 году все лето мы вытаскивали цементные столбы и цементные блоки из-под земли. Бывало такое, что уйдешь с утра в промзону, часов в девять-десять тебя снимают с работы, а возвращаешься к 16:00—17:00 и еще до часу ночи шьешь.

Когда были срочные заказы Куприянова, нам угрожали, что если мы их не закончим, мы их не отошьем, нас посадят в СИЗО и карцер и не отпустят никогда по УДО. Естественно, [когда были] его заказы личные, когда он собирался на рыбалку, на охоту или приглашал своих дружбанов-генералов или хрен знает кого, то тогда приходилось оставаться. Бывает, воскресенье, выходной, Куприянов сам лично заставляет писать заявление — добровольно-принудительное заявление о выходе в воскресенье. То есть берешь лист бумаги и пишешь: «Я, Багаева Индира, прошу вывести меня на промзону такого-то числа добровольно на работу». И мы выходили. Никто не хотел, но ты попробуй что-нибудь скажи.

Сказать что-нибудь было невозможно. Откажешься — они весь отряд натравят на тебя, 140 человек. Один не хочет выходить в воскресенье, и весь отряд зимой на плацу стоит по три-четыре часа. Или закрывают гигиену, закрывают комнату для приема пищи. Вариантов таких наказаний очень много, смысл один — весь отряд озлоблен на одного человека, и ты понимаешь, ты приходишь к такому выводу, что лучше бы ты молчала, не говорила ничего и вышла

бы в воскресенье, нежели сто с лишним человек ополчилось на тебя.

Со мной такого не происходило, к счастью. Но я большую часть срока отбыла в СИЗО. В колонии я была лишь два года и месяц. А если у тебя срок большой, то ты будешь молчать, потому что рано или поздно ты будешь подавать документы на УДО, а на комиссии тебе Куприянов припомнит все, и ты не уйдешь. Только я подавала документы на УДО, как Куприянов отправил ко мне [инспектора колонии, которая отвечала за видеонаблюдение] Макарову Ирину Викторовну, и Ирина Викторовна на меня написала рапорт — нарушение формы одежды, что я в техническом отделе сидела без косынки, хотя на тот момент все девочки из технического отдела так сидели. Но прицепилась Макарова именно ко мне — почему ты без косынки, почему ты без косынки. «А почему я должна быть в косынке? Все же сидят без косынки, почему я-то?». А она пишет рапорт, и все.

Другой случай — время УДО подходит, опять приходит эта Макарова, неадекватная женщина, не знаю, как она там вообще работает — опять пишет на меня рапорт: спала за рабочим столом. Я говорю — вы можете мне предоставить фотографию, видео? Не было же ничего такого, просто подходит время УДО, и они опять пишут рапорт. Если ты незаменимый человек — тебя не отпустят, ты будешь сидеть до конца. Я себя чувствовала незаменимой, потому что так, как шила я, в этой колонии не шил никто.

Куприянов избивал девочек — я сама лично видела, как он избивал негритянку. Я так поняла, что негритянка неправильно пробила кнопки на

куртках, или что-то такое, что-то незначительное. У нее получился конфликт со старшей ручницей. Естественно, негритянка все бросила и сказала — я больше работать не буду. И она очень сильно возмущалась: «Я с утра до вечера работаю, получаю копейки, вы еще ополчились все на меня, я больше не выйду на промзону». Она день не вышла, второй не вышла. Потом все равно ее вывели на промзону, там она начала чудить за рабочим столом. Куприянов взял и избил ее, надавал по лицу! И это произошло при всех, в разгар смены, чтобы другим неповадно было. Чтобы возвысить себя, чтобы испугались другие и не повторяли чужих ошибок. И это не единичный случай.

Физические наказания за любую мелочь практиковались. Чаще, конечно, не сами — для того, чтобы не пачкать руки, чтобы подозрение не пало на начальника промзоны, они просто натравливают старших бригадиров на человека. Просто закрывают девочку в комнате, в подсобке, и там бьют несколько человек.  А за невыполненный план весь отряд на плацу стоять отправляют, выключают телефоны.

Сейчас там то же самое — там телефоны отключают, чтобы люди не звонили домой, не сообщали, как им плохо живется, как они работают до часу ночи и получают 200 рублей. Если раньше в отряде был в коридоре телефон, и ты в любое время мог подойти и позвонить домой, то сейчас такого нет. Сейчас опять ты пишешь заявление на имя начальника колонии: «Прошу предоставить мне телефонные переговоры, разговор будет вестись на русском языке, продолжительность 15 минут» — и тебя один раз в месяц выводят на переговоры, один раз в месяц. И ты

звонишь из кабинета начальницы отряда. А ее уже в шесть вечера не бывает на работе, поэтому позвонить ты не можешь. Это связано только с тем, чтобы никто не жаловался. Это ведь сволочи те еще.

## Обиды

Казалось бы, освободилась я. Ну сколько таких девчонок было — забыли, замяли и никуда не обращаются, не пишут. Но мне было очень обидно, отработав два года и один месяц в техническом отделе, быть личной швеей администрации колонии, быть личной швеей управления ФСИН по Мордовии и не получить за это ни одну благодарность. Ни одну благодарность мне Куприянов не провел, ни одну.

Просидела я два года и один месяц. Зарплата мне никакая не начислялась — 19, 20 рублей. Иногда вообще не начислялась. Я через полгода подхожу к Куприянову, говорю: «Почему мне зарплата не начисляется? — Как, ты сидишь без зарплаты? — Ну вот так, два месяца не получаю». И Куприянов говорит: «Иди, я разберусь». Это вот единственный раз, когда мы лично разговаривали не по поводу его пожеланий на новый костюм.

Не знаю, разобрался он или нет, но, отработав год в техническом отделе, я начала получать 500 рублей, потом 800, потом 1 200, 2 000 рублей. И это вот при том, что он мог меня в девять-десять вечера вызвать и сказать: «Иди, пришивай мне шевроны». И я шла и пришивала. Бывало даже такое, что, когда мы раз в неделю ходили в баню, в то время, когда мы собрались, меня вызывал Куприянов и говорил: «Пошей то-то, тебя ведут на промзону». И я оставалась без бани.

И только когда я начала возмущаться, три месяца осталось до конца срока, и я подошла и сказала: «Я отшиваю образцы на ленту, я имею техническое образование, почему я получаю зарплату меньше, чем остальные?». И вот за три месяца до конца срока меня поставили на ставку — 11 тысяч рублей. Из этих 11 тысяч я чистыми получала на руки 2 800 рублей.

На благо государства я не проработала ни один день. Кто такой судья? Представитель власти, который руководствуется законом. И представитель власти, судья, мне назначил наказание — шесть с половиной лет лишения свободы — чтобы я там работала на благо государства. Но на благо государства я не проработала ни один день там. Я была личной швеей администрации колонии и управления ФСИН Мордовии, вот и все. Поэтому, как только я освободилась, я сразу же написала заявление.

Я им говорила: «Я все понимаю, но мне очень обидно, что меня не отпустили по УДО, это раз, не начисляли нормальную зарплату, я получала гроши — это два, и за два года ни одной благодарности — три». Поэтому я написала это заявление. Пока со мной никто по нему не связывался, никто не допрашивал.